

Discourse and Media Discourse: The Genesis of Concepts and Essential Differences

N. A. Sukhonina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-4-364-371

Research article
Full text in Russian

The article provides a comprehensive analysis of key concepts for modern communication studies – discourse and media discourse. It traces the evolution of the concept of discourse from linguistic and semiotic interpretations to socio-philosophical ones, where it is understood as a practice that constructs reality through language and is inextricably linked to power (M. Foucault). Alternative approaches are considered: J. Habermas's normative ideal of communicative rationality and the radical postmodernist position, which rejects stable meanings in favor of a struggle of interpretations (J. Derrida, E. Laclau, C. Mouffe). The synthesis of these directions is critical discourse analysis, which offers a toolkit for revealing ideologies embedded in language practices. The second part of the work reveals the specifics of media discourse as a technologically mediated and institutionalized form that dominates the information age. Its essential characteristics are identified: mass orientation, intentional persuasiveness, subordination to the laws of the media context, and postmodern features-fragmentation, clip-like nature, hyperreality. In conclusion, the fundamental differences between the two phenomena are systematized, and the status of media discourse as a leading force determining the rules for constructing social meanings and collective identities in the modern world is substantiated. The author concludes that their relationship is dialectical, and proficiency in critical analysis of media discourse becomes crucial for navigating the modern information space.

Keywords: Discourse; information society; meaning construction; critical discourse analysis; media discourse; postmodernism; mass media

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sukhonina, Nina A. | E-mail: evametal@mail.ru

For citation: Sukhonina N. A. Discourse and Media Discourse: The Genesis of Concepts and Essential Differences // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2025. Vol. 11, No. 4. P. 364-371. (in Russ.)

Дискурс и медиадискурс: генезис понятий и сущностные различия

Н. А. Сухонина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2025-4-364-371
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена комплексному анализу ключевых для современной коммуникативистики понятий – дискурса и медиадискурса. Прослеживается эволюция концепции дискурса от лингвистических и семиотических трактовок к социально-философским, где он понимается как практика, конструирующая реальность через язык и неразрывно связанная с властью (М. Фуко). Рассматриваются альтернативные подходы: нормативный идеал коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса и радикальная постмодернистская позиция, отвергающая стабильные смыслы в пользу борьбы интерпретаций (Ж. Деррида, Э. Лакло, Ш. Муфф). Синтезом этих направлений выступает критический дискурс-анализ, предлагающий инструментарий для вскрытия идеологий в языковых практиках. Вторая часть работы раскрывает специфику медиадискурса как технологически опосредованной и институционализированной формы, доминирующей в информационную эпоху. Выявляются его сущностные характеристики: массовость, интенциональность воздействия, подчинение законам медийного контекста и постмодернистские черты – фрагментация, клиповость, гиперреальность. В заключении систематизируются принципиальные различия двух феноменов, обосновывается статус медиадискурса как ведущей силы, определяющей правила конструирования социальных смыслов и коллективных идентичностей в современном мире. Автор приходит к выводу, что их соотношение является диалектическим, а владение навыками критического анализа медиадискурса становится ключевым для ориентации в современном информационном пространстве.

Ключевые слова: Дискурс; информационное общество; конструирование смыслов; критический дискурс-анализ; медиадискурс; постмодернизм; СМИ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухонина, Нина Анатольевна | E-mail: evametal@mail.ru
Старший преподаватель кафедры социально-политических теорий

Для цитирования: Сухонина Н. А. Дискурс и медиадискурс: генезис понятий и сущностные различия // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Том 11, № 4. С. 364-371.

Введение

Современное общество существует в условиях перманентного информационного потока, где традиционные и цифровые медиа формируют универсальное коммуникативное пространство. Это пространство не просто транслирует сообщения, но и активно участвует в создании социальных норм, политических ориентиров и культурных кодов. Центральными понятиями для осмысления этих процессов стали «дискурс»

© ЯРГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

и «медиадискурс». Несмотря на кажущуюся производность второго от первого, их соотношение является более сложным и диалектическим. Медиадискурс не является пассивным подвидом; он становится доминирующей средой, в которой рождаются, циркулируют и оспариваются все остальные виды дискурсов. Цель данной статьи – провести комплексный анализ этих феноменов, выявить их специфику и системообразующие различия, что позволит глубже понять механизмы влияния медиа на общественное сознание.

Феномен дискурса: от языка к социальной практике

Понятие «дискурс» давно вышло за рамки лингвистики, став междисциплинарным инструментом для анализа социальных процессов. Его эволюция демонстрирует сдвиг от изучения формальных структур языка к исследованию языка как формы социального действия.

Формирование современной концепции дискурса уходит корнями в лингвистику и семиотику, где произошел принципиальный сдвиг от изучения языка как статичной системы к анализу его как живой социальной практики. Изначально в работах лингвиста Э. Бенвениста дискурс стал пониматься как «речь в действии», что акцентировало внимание на процессуальности коммуникации и субъективной позиции говорящего [1]. Этот подход выдвинул дискурс в противовес абстрактной языковой системе, подчеркнув важность акта высказывания, где такие элементы, как местоимения «я» и «ты» или указатели «здесь» и «сейчас», наполняются смыслом лишь в конкретной ситуации общения.

Однако классический лингвистический взгляд, сосредоточенный на внутренней организации текста – его грамматике, синтаксисе и связности, – оказался ограниченным, так как часто упускал из виду более широкий социальный контекст. Метафора Н. Д. Арутюновой о дискурсе как «речи, погруженной в жизнь», точно обозначила этот пробел, показав, что смысл высказывания рождается не только из самих слов, но и из жизненного контекста, в который оно погружено [2]. Именно этот выход за пределы чистого текста подготовил почву для семиотического подхода, который радикально расширил само понятие дискурса.

Семиотика, наука о знаках, предложила рассматривать в качестве дискурса любую знаковую систему – от визуальных образов и жестов до архитектурных форм и моды. Если Ф. де Соссюр заложил основы, определив знак как единство означающего (звукового или графического образа) и означаемого (понятия) [3], то такие мыслители, как Р. Барт [4], У. Эко [5] и Ж. Бодрийяр [6], развили эту теорию применительно к социальному и медийному полю. Барт, например, в своей концепции «мифа» показал, что медийное сообщение функционирует как вторичная семиотическая система, где изначальный знак наделяется новым, идеологическим значением, представляя исторически сложившиеся отношения как нечто «естественное» и неоспоримое. Эко углубил это, сфокусировавшись на роли интерпретации, отмечая, что смысл сообщения не фиксирован, а активно декодируется аудиторией с использованием различных культурных кодов. Бодрийяр же, рассуждая о симулякрах, описал современный медиадискурс как порождающий гиперреальность – пространство, где знаки отсылают к другим знакам, подменяя собой реальный опыт. На практике это означает, что новостной репортаж, к примеру, является не просто вербальным повествованием, а сложным семиотическим конструктором, где текст, подобранные кадры, звуковое сопровождение и монтаж совместно создают многомерное и идеологически окрашенное значение, формируя у аудитории определенный ракурс восприятия события. Таким образом, синтез лингвистического и семиотического подходов

позволил перейти от анализа того, «что сказано», к исследованию того, «как, какими средствами и в чьих интересах конструируется смысл», заложив фундамент для всех последующих социально-критических теорий дискурса.

Подлинный переворот в понимании дискурса совершил М. Фуко, переведя его анализ из плоскости лингвистики и семиотики в плоскость социальной философии и теории власти. Для Фуко дискурс – это вовсе не нейтральный канал передачи информации, а могущественная система производства, организации и контроля знаний, неразрывно сплетенная с механизмами власти [7]. Он предложил рассматривать дискурс как исторически обусловленную практику, как совокупность высказываний, которые подчиняются определенным, часто неявным, «правилам формирования». Эти правила образуют то, что Фуко называл «дискурсивной формацией»: они безжалостно фильтруют и упорядочивают высказывания, определяя, какая мысль может получить статус осмысленной и легитимной в данный исторический момент. Фактически они предписывают, что вообще может быть высказано, кто имеет право говорить с авторитетом, из какой институциональной позиции и в какой момент это высказывание будет воспринято как истина.

Таким образом, дискурс функционирует как гигантская машина по установлению границ – между истинным и ложным, разумным и безумным, нормальным и патологическим, допустимым и запретным. Именно через дискурс общество решает, что является научным знанием, а что – предрассудком, кто – здоровым гражданином, а кто – преступником или душевнобольным. В этом смысле дискурс не просто описывает социальную реальность, но активно конструирует ее, создавая категории, объекты и субъекты, которые мы затем воспринимаем как нечто само собой разумеющееся.

Принципиально важным в концепции Фуко является переосмысление самой природы власти. Власть в его понимании – это не только и не столько репрессивный механизм запрета и подавления, исходящий от государства. Это прежде всего продуктивная и диффузная сила, пронизывающая все тело общества. Она действует не через принуждение «сверху», а через производство «истин» и дискурсивных практик, которые индивиды добровольно усваивают и начинают применять к самим себе.

В то время как Фуко акцентировал неразрывную связь дискурса с властью и социальным контролем, Ю. Хабермас предложил альтернативную, нормативную перспективу, в которой дискурс предстает основой для эмансипации и демократической рациональности [8, с. 45]. В противовес фокусу на принуждении, Хабермас развивал теорию коммуникативного действия, где дискурс становится инструментом достижения взаимопонимания. Центральное место в его построениях занимает концепция «идеальной речевой ситуации» – мысленного эксперимента, описывающего условия, при которых коммуникация была бы абсолютно свободна от искажающих факторов: манипуляций, скрытого принуждения, идеологического давления и системного неравенства между участниками. В этом идеализированном коммуникативном пространстве, которое служит не описанием реальности, а регулятивным идеалом, единственной силой, определяющей исход диалога, должна становиться «сила лучшего аргумента». Хабермас верил, что сама структура человеческого языка имплицитно содержит стремление к взаимопониманию и что публичная сфера, построенная на таких дискурсивных принципах, способна порождать легитимные нормы и подлинный консенсус, а не просто маскировать волю к власти. Хотя эта модель часто критикуется за утопизм, ее непреходящая ценность заключается в том, что она указывает на имманентный потенциал дискурса служить не только орудием господства, но и фундаментом для критической рефлексии, публичной дискуссии и демократического общественного устройства.

Если Хабермас искал в дискурсе основу для рационального согласия, то постмодернистская мысль, радикализируя интуиции Фуко, пошла значительно дальше, подвергнув сомнению сами предпосылки такой возможности. Ж. Деррида с его методом деконструкции нанес удар по самой идее стабильных значений и фиксированных истин [9]. Он показал, что смысл любого текста или высказывания принципиально нестабилен и «ускользает», находясь в бесконечной игре отсылок от одного означающего к другому. Любые бинарные оппозиции, будь то добро/зло, природа/культура или свое/чужое, которые традиционно служат опорой для западного мышления, с точки зрения деконструкции являются не естественными данностями, а иерархическими конструктами, где один термин всегда доминирует над другим.

Эта принципиальная незавершенность смысла была перенесена Э. Лакло и Ш. Муфф в область политической теории [10]. Они рассматривают социальное поле не как пространство для рационального диалога, а как арену перманентной антагонистической борьбы множества дискурсов за утверждение гегемонии. Гегемония здесь понимается как временное и всегда хрупкое доминирование определенной системы смыслов и ценностей, которая лишь на время закрепляет социальный порядок. В этой непрекращающейся борьбе за значение ни одна позиция – будь то классовая, гендерная или национальная – не является изначальной или подлинной; все идентичности конструируются дискурсивно, в процессе этой самой политической борьбы и через противопоставление «другому». Таким образом, постмодернистская перспектива оставляет от хабермасовской мечты о консенсусе лишь поле битвы интерпретаций, где любая «истина» является ситуативной, частичной и результатом временной победы в борьбе за символическую власть.

Критический дискурс-анализ (КДА), ассоциируемый с именами Н. Фэйрклафа [11], Т. ван Дейка [12] и Р. Водак [13], действительно стал тем практическим синтезом, который объединил лингвистическую тщательность с социально-критическим пафосом. Если предшествующие подходы раскрыли либо структурные, либо философские аспекты дискурса, то критический дискурс-анализ предложил конкретный методологический инструментарий для вскрытия идеологий и властных отношений, которые маскируются в повседневных и, казалось бы, абсолютно естественных языковых практиках. Его принципиальная цель – демистификация того, как через, на первый взгляд, нейтральный выбор слов, специфические синтаксические конструкции, использование риторических фигур и определенных стратегий фрейминга в медиатекстах, политических речах и официальных документах не просто воспроизводится, но и легитимируется социальное неравенство, конструируются этнические стереотипы и закрепляются доминирующие политические нарративы. Фундаментальной предпосылкой критического дискурс-анализа является понимание дискурса не как пассивного отражения реальности, а как формы социальной практики, находящейся в диалектической взаимосвязи с обществом: дискурс формируется социальными структурами, властными отношениями и культурными нормами, но одновременно он активно формирует их, влияя на восприятие, сознание и действия людей. Таким образом, каждое высказывание становится микрополитическим актом, а текст рассматривается как арена борьбы за смысл и власть. Например, анализируя, как в новостных сообщениях о миграции одни группы номинируются как «нелегальные мигранты», а другие – как «экспаты», критический дискурс-анализ делает видимыми те идеологические механизмы, которые в обычных условиях остаются за кадром, формируя наше «естественное» восприятие социального мира.

Медиадискурс: специфика и трансформация в цифровую эпоху

Если дискурс в его широком понимании является универсальным механизмом социального взаимодействия, то медиадискурс представляет собой его технологически опосредованную и институционализированную форму, которая в условиях современного информационного общества приобретает статус ведущей и доминирующей. Медиадискурс можно определить как целостную и динамичную систему коммуникативных практик, которые продуцируются, циркулируют и потребляются в специфическом пространстве средств массовой информации, будучи изначально ориентированными на массовую, анонимную и гетерогенную аудиторию [14, с. 7].

Его фундаментальной характеристикой является массовость и публичность, что коренным образом отличает его от приватного межличностного общения или узкоинституционального дискурса. Эта направленность на неопределенно широкий круг реципиентов накладывает неизгладимый отпечаток на все его параметры: от выбора тематики и стилистики до избираемых стратегий убеждения, которые должны быть эффективны для разнородной публики с разным уровнем компетенции. Не менее важной чертой является его глубокая технологическая опосредованность. Форма, содержание и само восприятие медиадискурса напрямую и принципиально зависят от канала его передачи. Аудитория по-разному воспринимает один и тот же смысл, облеченный в форму газетной статьи, телевизионного репортажа или поста в социальной сети. В цифровую эпоху эта опосредованность проявляется в таких свойствах, как гипертекстуальность, позволяющая выстраивать нелинейные смысловые связи, мультимедийность, объединяющая вербальный текст с визуальными и звуковыми образами, и интерактивность, стирающая грань между производителем и потребителем контента.

Однако, в отличие от стихийного онлайн-общения, медиадискурс обладает выраженной интенциональностью и установкой на воздействие. Его основная функция выходит далеко за рамки простого информирования; он целенаправленно формирует общественное мнение, устанавливает повестку дня, выделяя одни события и замалчивая другие, и оказывает мощное перлокутивное воздействие, стремясь вызвать у аудитории определенную реакцию – от одобрения до страха или гнева. Наконец, все эти процессы носят не персональный, а строго институциональный характер. Медиадискурс производится не отдельным индивидом-автором, а сложными социальными институтами – редакциями, медиахолдингами, корпорациями, которые действуют в соответствии с внутренними уставами, профессиональными кодексами, экономическими интересами и политической конъюнктурой. Именно этот институциональный каркас придает медиадискурсу его символический вес и легитимность в общественном сознании.

Современный медиадискурс невозможно осмыслить вне постмодернистского контекста, который стал его естественной средой существования и определяющей философской парадигмой. Для него характерна фундаментальная фрагментация и клиповость, когда сложные социальные, политические и экономические процессы препарируются на короткие, эмоционально заряженные месседжи, легко потребляемые, но не поддающиеся целостному осмыслению. Этот постоянный поток разрозненных образов и информационных всплесков приводит к глубокой фрагментации самого сознания аудитории, которая утрачивает способность к построению связной картины мира, довольствуясь калейдоскопом ярких, но бессвязных впечатлений.

В этих условиях медиапространство закономерно превращается в поле ожесточенной битвы интерпретаций, где различные политические силы, корпорации и идеологические группы стремятся навязать публике собственную трактовку событий.

Понятие объективной истины, таким образом, вытесняется и подменяется понятием «сильной» или «доминирующей» интерпретации, то есть той версии реальности, которой удалось завоевать большее символическое и медийное влияние. Этот процесс активно описывался Ж. Бодрийяром через концепции симулякра и гиперреальности – медиа систематически создают симулякры, то есть копии, утратившие связь с любым оригиналом, а из их совокупности рождается гиперреальность [6]. Создаваемый медиаобраз политика, скандального события или «идеальной жизни» в Инстаграме (принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией и запрещена в РФ) зачастую становится для индивида более значимым и достоверным, чем его собственный непосредственный опыт, что ведет к жизни в пространстве символических подмен. Парадоксальным образом этот процесс сопровождается одновременно демократизацией и эрозией авторитетов: социальные сети и блоги решительно разрушили информационную монополию традиционных СМИ, позволив каждому пользователю стать создателем дискурса. С одной стороны, это беспрецедентно демократизировало коммуникацию, дав голос ранее немым группам, но с другой – породило оглушительный информационный шум, расцвет фейков и углубление общественной поляризации, когда разные группы существуют в параллельных медийных вселенных с непересекающимися системами фактов и ценностей.

Ключевые отличия дискурса и медиадискурса

Принципиальные различия между дискурсом в его широком понимании и медиадискурсом проистекают из самой их природы и функций в социальном пространстве. Если дискурс как универсальный механизм социального взаимодействия может существовать в формах межличностного общения, узкогрупповой коммуникации или институционального диалога, где аудитория, как правило, конкретна и ограничена общим контекстом, то медиадискурс изначально рождается с установкой на массовость. Он обращен к неопределенно широкому, анонимному и гетерогенному кругу реципиентов, что накладывает неизгладимый отпечаток на его стилистику, риторику и стратегии вовлечения. Эта разница в масштабе напрямую связана с каналом коммуникации: в то время как обычный дискурс может быть непосредственным, как лицом к лицу, или опосредованным, как переписка, но без обязательной массовости, медиадискурс тотально технологически опосредован мощными институтами массовой коммуникации: телевидением, радио, интернет-платформами, которые и определяют его форму и возможности распространения.

Что касается функций, то здесь проходит четкая граница: если классический дискурс служит прежде всего целям коммуникации, поддержания социальных связей и конструирования смыслов в локальном контексте, то медиадискурс с необходимостью сочетает информирование с мощным иллюкативным воздействием, целенаправленно формируя общественное мнение, устанавливая повестку дня и конструируя ту самую социальную реальность, которую мы принимаем как данность.

Эта разница в предназначении порождает и структурные различия: если дискурс может быть линейным, логически выстроенным и его динамика зависит от непосредственных участников, то медиадискурс, особенно в цифровую эпоху, часто намеренно фрагментирован, клипов и гипертекстуален, а его циркуляция характеризуется чрезвычайно высокой скоростью, подчиняясь законам медийного внимания.

Связь с властью также проявляется по-разному: в обычном дискурсе властные отношения, безусловно, присутствуют, но они могут быть скрытыми и имплицитными, тогда как медиадискурс является основным инструментом и полем битвы за символическую власть, гегемонию и легитимацию политического порядка, делая отношения господства и подчинения видимыми и предметом публичной борьбы.

Наконец, контекст их существования различен: если дискурс погружен в социальный, культурный и ситуативный контекст, то медиадискурс функционирует внутри специфического медийного контекста, который диктуется редакционной политикой, рыночными законами рейтингов и технологическими алгоритмами, такими как лента новостей в социальных сетях, что определяет его отбор тем и способ подачи. В итоге, в эпоху постмодерна, когда дискурс остается универсальным социальным механизмом, именно медиадискурс возвысился до статуса доминирующей и самой влиятельной его формы, аккумулируя в себе все черты постмодернистской культуры – от симуляции и фрагментации до борьбы нарративов, – и именно через него сегодня в значительной степени осуществляется конструирование коллективных представлений и идентичностей.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что соотношение дискурса и медиадискурса является не отношением «общее – частное», а отношением взаимовлияния и сложной субординации. Дискурс как социально-конструирующая практика остается их общей основой. Однако медиадискурс, будучи порожденным развитием технологий массовой коммуникации, превратился в самостоятельную силу, которая сегодня во многом определяет правила игры для всех остальных видов дискурса.

Он создает ту символическую среду, тот язык и те рамки, в которых происходит осмысление политики, экономики и культуры. Понимание его механизмов, владение навыками его критического анализа – это не просто академическое упражнение, а необходимое условие для ориентации в современном сложном, перенасыщенном информацией и зачастую манипулятивным мире. Борьба за смыслы, которая ведется в пространстве медиадискурса, – это борьба за будущее общественное устройство и коллективную идентичность.

Ссылки

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 411-412.
3. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 387-422.
5. Эко У. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов. М.: Слово, 2009. 408 с.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с франц. С. Н. Зенкина. М., 2001. 177 с. EDN: PWMMKJ
7. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.
8. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Том 1 / Пер. с нем. А. Филиппова. М.: Весь Мир, 2020. 880 с.
9. Деррида Ж. О грамματοлогии / Пер. и вступ. ст. Н. Автономой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
10. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist. London: Verso, 1985. 197 p.
11. Fairclough N. Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003. 270 p.
12. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 307 с.
13. Wodak R. Disorders of Discourse. London: Longman, 1996. 200 p.
14. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Наука, 2008. 234 с. EDN QTPFSV